

Литературный МОЯК

№ 6
(234)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината **Щеплиный**

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и июнь заканчивается... А лето... ну, уж какое есть. Как сказал поэт: «На земле не то ещё бывало». Вон, говорят, опята в лесу пошли - разве плохо?

Много в нашей жизни, в мире, в литературе хорошего в любую погоду.

Дождь шуршит по крыше, буд-то бежит и бежит по ней тысяча-лапая кошка. Или так: «А на улице дождь».

Он по крыше идёт належке. Мне с высоких полетей

отлично слышно,
Будто маленькие человечки
подбегают к стреле

И друг за дружкой спрыгивают
с крыши! - это Сергей Чужин.

В такую погоду так хорошо читается! И в этом номере «Литературного маяка» ты, любезный читатель, найдёшь много интересного - и краеведческие материалы, и прозу, и стихи.

А кому-то в такую погоду и пишется... У того же Сергея Чужина:

«Во мглу и дождь
погружена округа.

Прекраснее годы
не найдёшь!

Такой порою
не дождёшься друга,

Не тянут ни река,
Ни зелень луга...

Шуршит, шуршит
по низкой крыше дождь

И размывает времени границы.
Мне снова мил

осточерствевший труд -
Листать и править

жёлтые страницы;
И годы мои прежние, как птицы,
Издали мне голос подают...»

И мне «мил труд» - листать
страницы книг, вспоминать что-то,
писать письма авторам «Литературного маяка», перечитывать
стихи поэта Некрасова - в
гости к которому в имение Кара-
биху собираюсь съездить в бли-
жайшее время...

Но вот выглянуло из-за тучи
солнышко, и поменялась на-
стройка, и уже манит и река,
и луг... И кипит на лугах ве-
сконосная работа, а придёт вре-
мя - настанет и уборочная стра-
да. Будет и отды-
х, в котором
найдётся вре-
мя для хоро-
шей книги. Всё
будет, чему по-
ложено быть,
обязательно
будет.

Дмитрий
ЕРМАКОВ.

Дмитрий
ЕРМАКОВ.

К 110-летию В. Т. Шаламова

Владимир ВОРОПАНОВ

Сергей Воропанов - друг детства Варлама Шаламова

**«Где же детское, пережитое,
Вываренное в щелоках.
То, чего теперь я не достоин,
По уши увязший в пустяках».**
В. Шаламов.

Вот уже несколько лет я занимаюсь своей родословной. В воропановской ветви, корни которой из деревни Лобково, что на реке Леже, были талантливые люди, прекрасно образованные, и даже знаменитые. Вот об одном таком Воропанове сейчас и хочется рассказать.

У меня всегда был интерес к нашим вологодским литераторам. Заинтересовала же меня автобиографическая повесть «Четвёртая Вологда» Варлама Шаламова потому, что речь идёт о городе, где я живу.

Читаю и вдруг натякаюсь на строчки: «Меня раздирала жажда чтения. Настоящей привязанностью, определявшей всё моё поведение, было чтение книг вместе со своим новым школьным товарищем Серёжей Воропановым, головастым крепышом, с которым нас свела беззаветная страсть к чтению. И не только чтению. Серёжа Воропанов понял истинный смысл игры в фантики, и сам отдался этой игре с увлечением. Мы отыгрывали роман за романом - в полном беззвучии... Мы вдвоём переворачивали все библиотеки Вологды. Серёжа читал помедленнее, но тоже неутомимо и жадно».

Конечно, мысль моя зацепилась за эти строки, и я решил проверить, не из нашего ли рода друг юного Варлама Шаламова. Первым делом я отправился в мемориальный музей писателя, который действует в Вологде под началом Вологодской областной картинной галереи. Что интересно, директор галереи - тоже из «наших» - Воропанов Владимир Валентинович - мой двоюродный брат, его отец и моя мама - родные брат и сестра. Но он ничем не смог мне помочь, равно как и сотрудники музея. О друге детства там знали ровно столько, сколько написано в воспоминаниях, но идея поиска материалов о Серёже у музейщиков зрела давно. Поэтому я, хоть и не получил никаких дополни-
тельных сведений, единомыш-

ленников всё же встретил.

Помочь в поисках сведений о Сергее Воропанове взялась научный сотрудник картинной галереи Римма Анатольевна Рожина. Вычленив из книжных строк всё, что его касается, мы первым делом составили список архивов, в которые нам следовало обратиться.

Варлам Шаламов о судьбе Серёжи ничего не пишет, кроме: «Серёжа в 1923 году поступил в Лесной институт», и то с оговоркой «кажется». Вот с архивов всех близ находящихся Лесных институтов мы и начали поиски. Сначала результаты ответов не утешали: «не значился», «не имеем сведений», «не учились». И вдруг как прорвало - одна

нени в Плесецком районном архиве или Институте леса и лесохимии г. Архангельска, который по работе и науке был связан с этой школой». Я тут же занялся составлением писем в Плесецк и Обозерскую, но буквально следом пришёл ещё один ответ из Архангельска, который чрезвычайно нас с Риммой Анатольев-

Варлам Шаламов

за другой пошли интересующие нас справки. В том числе и из Архангельского государственного технического университета (АЛТИ), который ответил сначала так: «Сообщаем, что Архангельский лесотехнический институт им. В. В. Куйбышева был организован в 1929 году, поэтому сведений об учёбе Серёжи Воропанова в 1923 году сообщить не имеем возможности. В Архангельской области была Обозерская лесная школа, но в настоящее время она не существует. Документальные материалы должны быть на хра-

новой породавал. Архивариус извинялась за скорополнительно данную справку и сообщила, что «на беседы со старыми преподавателями ВУЗа выяснилось, что в институте действительно учились и работали Воропановы Пётр и Сергей» и прилагала к письму копию краткой автобиографии одного и справку на другого. Для меня это был хороший сюрприз - разыскивая одного Воропанова, удалось найти двоих. Это удача!

Вот что мы узнали. По сохранившимся документам архивного фонда института, среди студентов 1929-1943 г. значится студент Воропанов Сергей Васильевич (1906 г.р.). В 1931 году он поступил на 1 курс лесозащитно-лесохимического факультета. По приказу от 13 июля 1936 года № 185 он окончил институт и был направлен в аспирантуру при АЛТИ. Учась в аспирантуре, занимался научными иссле-

Сергей Воропанов

дованиями, работал ассистентом, преподавателем кафедры сухопутного транспорта и тяговых машин. Сергей был призван в армию с 22 декабря 1941 года, а демобилизован по приказу от 27 марта 1942 года № 50. По возвращении в институт назначен старшим преподавателем курса сухопутного транспорта. В том же году в июне переведён на работу в «ГЛАВСЕВЛЕС».

Возможно, в архиве сохранились бы и более подробные сведения о Сергее Васильевиче, не погибни этот архив в 1942 году от бомбежки. Война, как известно, не обошла стороной город Архангельск.

Сколько ни кратки были сведения, кое-что они всё-таки прояснили. Получается, что Сергей начал свою учёбу в институте не в 1923 г., как предполагал Шаламов, а спустя восемь лет после окончания школы. Добился заметных успехов в учёбе и был рекомендован на её продолжение. А после окончания аспирантуры встал в один ряд с опытными и, наверное, выдающимися в своей области преподавателями.

(Окончание на стр. 10)

(Начало на стр. 9)

Это меня не удивило, так как характеристику Серёжи, как любузнавательного и умного паренка, я нашёл ещё в «Четвёртой Вологде». С карьерой Серёжи до его перевода в «ГЛАВ-СЕВЛЕС» пока было всё ясно. Но остался загадкой период его жизни до учёбы.

Я обратился к присланной нам автобиографии Петра Васильевича, брата Серёжи. Вот что там обнаружилось. Воропанов Петр Васильевич родился в 1902 году в селе Усть-Цильма Печёрского уезда Архангельской губернии в семье народного учителя Василия Петровича Воропанова. В 1911 году он окончил местную сельскую школу, а по приезду семьи в Вологду в том же году поступил в Вологодскую мужскую гимназию. Эти факты позволили сделать вывод, что и Серёжа родился в той же Усть-Цильме, где и брат, а в Вологде появился после 1911 года, после переезда семьи.

В Вологодскую гимназию он поступил в 1914 году вместе с Варлушей Шаламовым (в фонде Шаламова ВОКХ хранится архивная копия документа, свидетельствующего о том, что мальчики занесены в один список гимназистов 1 класса).

В Вологде Воропановы жили в одноэтажном деревянном доме под № 3 на Гятинском бульваре, что достался Василию Петровичу от отца. Это неподалеку от дома, где жил Варлуша Шаламов.

Сергей Воропанов был из многодетной семьи, где отец имел огромное влияние и авторитет. Неудивительно, что у столь образованного и интеллигентного отца дети любили литературу. И хотя в документе ничего не сказано о жене, кроме того, что в брак с Василием Воропановым она вступила 16 августа 1896 года, думается, и она была не из безграмотных проституток. Нам удалось узнать, что мать семейства, Елизавета Васильевна Воропанова, от имени Президиума Верховного Совета СССР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1946 года была награждена орденом «Материнская слава» 1 степени. Правда, из-за того, что имела взрослых, способных содержать её детей, она не получила никакой пенсии по старости - таковы были законы того времени.

А между тем я продолжал разгребать своих родственников, не сосредоточивая внимание только на Сергее. И вот однажды вышел на адрес Татьяны Николаевны Сусловой, дочери Николая Васильевича Воропанова. Как оказалось, она живёт в Вологде. Мы с моей помощницей напросились в гости. Приняли нас великолепно. Татьяна Николаевна рассказала всё, что знала о Воропановых, и о Сергее Васильевиче тоже. Действительно очень смысленные, можно сказать, одаренные. Но и озорничали, как все, шалили, бедокурили. Учились дети хорошо, почти на одни пятёрки. В домашнем архиве сохранился аттестат зрелости старшего сына Василия Петровича, Михаила - юноша закончил гимназию с серебряной медалью.

О том, где и кто из братьев и

сестёр Серёжи жил, нам и поведала Татьяна Николаевна. Но самое главное, мы раздобыли адрес дочери Сергея Васильевича, Натальи Сергеевны Сорокиной (Воропановой). Она живёт в Йошкар-Оле, не раз приезжала в Вологду к своей двоюродной оестре.

Разумеется, к Сорокиной полетели наши письма с просьбой откликнуться и поделиться материалом о своём отце. Наталья Сергеевна с пониманием отнеслась к нашей просьбе, и теперь как у меня, так и у музея Шаламова, на руках имеются самые достоверные, самые подроб-

ные сведения о судьбе мальчика, с которым юный Варлаам Шаламов крепко дружил. Я суммировал все полученные сведения, и получилась вот такая биография: Серёжа учился сначала в институте, затем в аспирантуре, служил в армии и после демобилизации вернулся в Архангельск. В июле 1942 года Сергей Васильевич был назначен техническим директором Устьянского мехотряда «Котласлес», где и проработал до 1946 года. Затем он приехал в Вологду и полтора года трудился здесь. Из Вологды его направили в Поволжский лесотехнический институт (ПЛТИ) в город Йошкар-Олу, где он и прожил до конца своих дней. Работал ассистентом, старшим преподавателем кафедры механики лесоразработок, с 1957 года и до пенсии - заместителем декана лесотехнического факультета. В 1968 году по состоянию здоровья ушёл с работы. За период работы в ПЛТИ неоднократно отмечался почётными грамотами и имел благодарности, был занесен на «Доску почёта». За период службы в рядах Красной армии в годы войны награждён медалью «За победу над Германией», а за работу в тылу - медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

О том, каким был Сергей, свидетельствует и тот факт, что в самые суровые годы начала репрессий, в 1938 году, - он женится на дочери «врага народа» Ма-

шеньке Беловой-Бекетовой, которая в то время училась вместе с ним в АЛТИ. На такой шаг в то время мог пойти только очень смелый, очень порядочный и очень добрый человек с горячим сердцем. Видимо, наш Серёжа и был таким! Жена Мария следовала за мужем везде, куда бы его ни назначали. Как профессионал-педагог, она вместе с мужем преподавала в Йошкар-Оле, была доцентом кафедры начертательной геометрии и машиностроительного черчения.

Наталья Сергеевна пишет, что её отец на всю жизнь сохранил

эту привычку, то как-то пострались бы списать, возобновить знакомство.

Сам же Шаламов, скорее всего, вернувшись в 1954 году с Колымы, не стал разыскивать товарища детства. Свои убеждения он сформулировал в той же «Четвёртой Вологде»: «Жизнь моя сложилась так, что я никогда не искал старых товарищей. И не потому, что боялся разочароваться, а потому, что меня всегда занимали новые мысли, новые события. Я не верю в пользу возобновления старых знакомств». Хотя здесь с Варламом Тихоновичем можно по-

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

спорить - он возобновлял знакомства, трепетно относился к «старым товарищам» и доверял многим из них. Думаю, и Сергей его бы не разочаровал. Тому есть многочисленные примеры, но не о том сейчас речь. Просто, не пришлось больше Шаламову побывать в Вологде, навестить друзей детства, в том числе и кого-нибудь из Воропановых. Не довелось узнать адрес Сергея, написать ему. Так уж суждено, часто мы, сами того не желая, расстаемся однажды с близкими нам людьми не на год-два, как думаем, а на всю жизнь. И только память помогает нам

Владимир ВОРОПАНОВ

Сергей Воропанов - друг детства Варлаама Шаламова

1932 год. Сергей (справа) с Николаем и Катей

Дед и бабушка Сергея Воропанова

любовь к книгам, собрал большую домашнюю библиотеку и продолжал традиции семьи, привил любовь к чтению ей и её сыну, то есть внуку, Максиму. Сама Наталья Сергеевна закончила тот же ПЛТИ, где работали родители, и после окончания встала с ними в один преподавательский ряд. За плечами у Натальи 30 лет педагогического стажа. Скончался Сергей Воропанов 9 марта 1972 года в Йошкар-Оле, там же и похоронен.

Варлаам Шаламов на целых десять лет перешел друга. И хотя после возвращения с Колымы он всё себя довольно активно (со многими встречался, переписывался, знакомился), связь друзей так больше и не восстановилась. По словам Натальи Сергеевны, никто тогда и не знал о писателе Шаламове. Если бы знали, если бы услы-

восстановить картины прошлого и сохранить добрые чувства к ним. У Шаламова эти чувства отразились в его произведениях, а это уже навеки.

К рассказу о Серёже добавлю, что его отец, Василий Петрович Воропанов, умер всего в 43 года, в августе 1918 года, как написано в справке, «от паралича сердца». Вот почему дольших 8 лет Серёжка не мог добраться до института - он просто работал, помогал матери растить младших. Старшие дети после смерти отца обычно так и поступают.

Кстати, юность Шаламова тоже не отличалась благополучием. Слепой отец и больная мать были предметом его забот. Он вспоминает, как в годы послереволюционного разорения ему приходилось торговать на рынке маминными пирогами, выпеченными из муки, ку-

пленной на выручку от проданных вещей. При этом Варлуша был ещё и поводырем ослепшего отца, сопровождал его на различные мероприятия. Чувствуется, что Шаламов жалел родителей, с приходом революции ставших внезапно нищими и обижаемыми властями, хотя и старался не говорить об этом. Даже в книге «Четвёртая Вологда» чувства Варлаама Тихоновича прослеживаются столь скупо, что невнимательный читатель их может просто не заметить. Разумеется, дружба юношей подпитывалась ещё и этими обстоятельствами - сход-

ность судеб определяет сходство характеров. Что касается мамы, Елизаветы Васильевны, то она дожила свой век в семье Сусловых. По рассказам Татьяны Николаевны, бабушка была терпеливой, умной, интеллигентной, доброй и энергичной. Всю жизнь занималась шитьем, наряжала в модные одежки всех своих деточек. Умерла Елизавета Васильевна в глубокой старости, года не дожив до своего столетия. И до конца обладала здравым умом и твёрдой памятью. Многочисленные внуки, правнуки и праправнуки очень любили бабу Лизу.

Можно ещё многое рассказывать о Воропановых, тем более, как я уже говорил, некоторые представители этой фамилии достигли немалых высот и имеют заслуги перед Отечеством, но это уже будет повесть о целом роде. Для интересующихся скажу только, что в ходе поисков выяснилось: и я, и двоюродный брат, Владимир Валентинович, к Серёже имеем прямое отношение: у нас с ним общий предок - Воропанов Иван Петрович, живший в 1805-1866 годах.

Читаю стихи Шаламова и чувствую, не забывал он Вологды, не забывал друзей, хотя, казалось бы, пишет обратное... Но... Я забыл погоду детства, Тёплый ветер, мягкий снег, На земле, пожалуй, средства Возвратить мне детство нет. И осталось так немного В бедной памяти моей - Васильевны дороги В красном солнце детских дней, Запах ягод-кислицы, Можжевельных кустов И душистых, как больница, Подсыхающих цветов. Это всё ношу с собою И в любой люблю стране, Этим сердцем успокою, Если горько будет мне.

А Серёжа для Варлаама Шаламова так и останется лучшим другом, поскольку его «знакомство с ним, дружба, душевное согласие были более бескорыстными, чем любое знакомство в юности».

Фото предоставлено Владимиром Воропановым.

Стихи Натальи Раменской впервые публикуются на страницах «ММ». Стихи очень женские. В этом их сила. В них есть «энергетика любви», и поэтому - в них есть «вещество поэзии»...

ЖИТЬ НЕЛЮБИМОЙ...
Жить нелюбимой
тоже привыкаешь -
Уставшая во всем винить
мужчин,
Ты просто чаще
горестно вздыхаешь,
Да иногда заплачешь
без причин.
Ты всем твердишь:
«Дела не так уж плохи,
Любовь - она же,
в сущности, пустяк...»
А на подруг
участливые вздохи
Ты жмёшь плечами:
«Хорошо и так.
Со мной друзья, мой дом,
моя работа,
Всё в норме,
кто б чего ни говорил...»
Но память не обманешь,
если кто-то,
Когда-то
и тебя
боготворил.

Я В ТВОИ ПОЦЕЛУИ...
Я в твои поцелуи,
как в платье из шёлка одета,
И струится оно с головы
и до пальчиков ног,
А под ним полыхает
такое безумное лето -
То, что кровь превращает
в живой электрический ток.
Я не выдержу, кажется -
вспыхну... и пеплом расту
На ладонях твоих,
если станет ещё горячей,
Чтоб минуто спустя,
новой плотью взамен
обрастая,
Птицей Феникс очнуться -
и жить! - у тебя на плече.

«Потому что люблю...»

ВРЕМЯ
быстро проходит время -
мы прибавляем шаг,
ну и пускай - не с теми,
ну и пускай - не так.

пусть не о том мечталось,
но не свернуть с пути,
всё, что ещё осталось -
мчаться, бежать, идти,

утром кляня работу,
ночью стремясь ко сну,
то торопя субботу,
то торопя весну.

время уходит быстро,
мы ускоряем бег,
и прогораем искрой.
оттепель, осень, снег -

некогда оглянуться,
шум, суета, возня...

чтобы потом очнуться -
после дрянного дня,
или плохих известий,
или на грани тьмы:

время стоит на месте,
это
уходим
мы.

Вот уже и рябины кивают
тяжёлыми гроздьями,
И блестят по утрам паутинки
холодными росами...
Все признания сделаны,
все обещания розданы -
Мне осталось смириться

и ждать приближения осени.

Я всё чаще тоскую, ни петь,
ни смеяться не хочется.
Легкий ветер
сорвал первый лист
незаметным касанием,
И поверилось вдруг,
что кукушка,
лесная пророчица,
Ни на день не ошиблась
с тем давним своим
предсказанием.

... Но когда ты приходишь,
меня заключаешь в объятии,
Я к тебе прижимаюсь,
и рук твоих ласковых глennая,
Сознаю:
не страшны мне ни осень,
ни смерть, ни проклятия...
Потому что люблю.
Это вечно. Это нетленное.

Поэзия

Наталья РАМЕНСКАЯ
(Бабаево)

Как по-за-сколицей
колется репей!
Следом выйдёшь-тянется
тенью-бесприданницей
Прошлое да пошлое,
убежать успей...

Ни во что не верится,
не мычит, не телится,
Вот и канителится -
целится в висок.
Сущая безделица -
мелет моя мельница,
И по ветру стелется
молотый песок.

Берёзовой молодости
в бышем горельнике
ещё непривычна
листва позолота,
но пахнет в прохладном
задумчивом ельнике
гроздьями...
А дальше, у края болота,

где брызги брусники
по кочкам разбросаны,
где стелые росы
порою рассветного
блестят, словно жемчуг -
дыхание осени
уже ощущаешь...
Пусть еле заметное,

и всё же - как времени ход,
неизбежное.
И не надыхаться -
в груди не поместится
то вечное, древнее,
то безмятежное,
разлитое в воздухе;
в зимние месяцы

так нужное, главное,
необходимое,
что душу спасёт от тоски
и от холода...
Какое же счастье -
бреду, нелюдимая,
касаясь руками
осеннего золота.

МЕЛЬНИЦА

Всё давно оплакано,
да не всё оплачено.
Мелет моя мельница -
не муку, песок.
И сказать хотелось бы
как-то поиначе, но
Так уж получается -
всё наискосок.

Было перво-наперво,
сжало туго-натуго,
Стало мёртво-намертво -
еле держит нить.
А прольётся пятакой,
изогнётся радугой -
С бешеной безбашенной
каши не сварить!

Упадёт, поранится -
что тогда останется?

Александр КУЗНЕЦОВ

Пучкасы да Мучкасы

Сухона - одна из немногих рек в России, у которых есть два истока. Как известно, кроме основного русла, вытекающего из Кубенского озера близ Святой Луки, у Сухоны имеется и второй исток под названием Большой Пучкас, выходящий из озера недалеко от села Кубенского в Вологодском районе. Попетляв по заболоченной низине, Большой Пучкас как бы нехотя поворачивает в сторону Сухоны и соединяется с ней около деревни Шера. Происхождение последнего топонима связано с древним финно-угорским термином, известным как «сара» или «шера» в значении «развилка, разделение реки на два русла». Таким образом, даже в древности Большой Пучкас считался не самостоятельной рекой, а лишь одним из двух истоков Сухоны.

Если есть Большой Пучкас, то где-то должен быть и Малый Пучкас вытекает из озера рядом с Большим Пучкасом, с которым она связана несколькими протоками, а потом и вовсе сливается с ним. А ведь ещё есть река Пучка, пересекающая дорогу на Кириллов посредине между сёлами Кубенским и Новленским. В старинных документах можно отыскать такие слова: «Сельцо Пучка на реке на Пучкасе», то есть, и современная Пучка прежде тоже была Пучкасом! На Присухонской низине мы найдём уже целую россыпь других Пучкасов - Шуйский Пучкас, Ива-

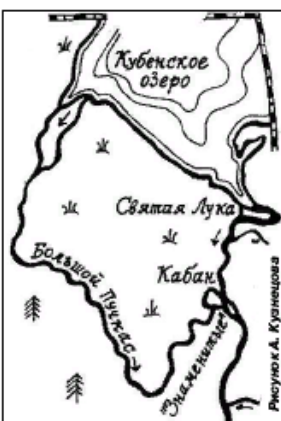
новский Пучкас, а народный географический термин «пучкас» применяется для обозначения вообще всех проток и рукавов в верховьях Сухоны.

Ясно, что слово «пучкас» не русское, а было заимствовано когда-то у финно-угорских аборигенов нашего края. Мнения учёных о происхождении этого речного термина разделились. Одни сравнивали его с вепсским словом «питкас» - «долгий, продолговатый». Сами вепсы близ Вологды никогда не жили, но здесь обитал чудской народ, язык которого был родственен вепсскому. От чужды русские и могли перенять этот термин в значении «долгое, окружённое русло реки». Однако порядок согласных в «питкаче» отличается от «пучкаса».

Второе мнение связывало термин «пучкас» с самским (лопарским) словом «пиеккас», что означает «крутой, обрывистый». Тогда, может быть, все Пучкасы названы так из-за природной особенности их берегов? Но, как раз наоборот, обрывистые берега на Пучкасах встречаются редко, ведь они протекают по заболоченным низинам. Поэтому лопарскую версию можно тоже отодвинуть в сторону.

В научной литературе была ещё попытка сравнить топоним Пучкас с древним финно-угорским термином «потша» в значении «залив, протока, старица, заболоченный берег реки». Все эти значения как нельзя лучше подходят к описанию географических характеристик «пучкасов», но из термина «потша» на Русском Севере возникли такие названия, как Поца, Поча, Почага, Пучага - все без сочетания согласных «чу!» Значит, и эта версия имеет свой изъян...

Интересно, что похожее название реки Пучкома обнаруживается очень далеко от верховьев Сухоны - в республике Коми. Местные лингвисты пытались толковать топоним Пучкома от коми слова «пущкинь» - «сучить, вить пряжу», почитая название реки метафорой в значении «извилистая». Но народ коми (зыряне) появились на берегах Пучкомы довольно поздно, когда её название уже существовало, а на Присухонской низине предки коми вообще никогда не жили. Таким об-

разом, и это предположение не выдерживает критики!

Но в Удорском районе Коми имеется ещё деревня с похожим названием Мучкас, а у нас Мучкасом называется одна из проток в дельте реки Кубены, ниже села Устье-Кубенское. Что это? Вариант топонима Пучкас или особое название, никак с «пучкасами» не связанное? Давайте

разбираться. Мучкасом деревню называют русские жители, а коми именуют её Мутьдин, так как рядом с ней в Меэньн впадает река Мудзью. «Ю» на языке коми - «река», а «дин» - «устье»; следовательно, Мутьдин - это «Устье реки Мудзья». Впрочем, что такое «мудзья» коми объяснить не могут. Более того, в грамоте от 1485 года река Мудзья была записана, как Муча! А это значит, что зыряне, как и русские лишь позаимствовали этот топоним у более раннего народа, проживавшего на таёжных просторах от Вологды до Печоры.

Учёный топонимист из Екатеринбурга А. К. Матвеев восстановил древнее уральское слово «мучка» в значении «извилистая, излучина», которое как нельзя лучше объясняет происхождение названий рек Муча и Мучкас, характерной особенностью которых является сильное петляние их русел. Александр Константинович нашёл и другую древнюю праформу «пучке» - «полюй стельбь растения», которое в речном термине «пучкас» стало обозначать такие протоки от главного русла, куда уходила «лишняя» или «полая» вода во время весенних разливов.

Следовательно, Пучкасы и Мучкасы возникли очень давно, более тысячи лет назад, в железном веке, когда на Севере жил народ, говоривший на древнем уральском языке, из которого позже возникли все финно-угорские языки.

Июнь - это и месяц начала Великой Отечественной войны. Уходят последние свидетели тех страшных дней, но память о них живёт, этой памятью наполняется творчество ныне живущих. Вот и Леонид Лешуков, живущий в Никольске, в своих рассказах часто обращается к теме войны и фронтовиков...

Светлой памяти всех ветеранов Великой Отечественной и моего деда Ивана Тимофеевича Лешукова посвящается...

Я любил деда. Ходил за ним тенью. Дед повсюду брал меня с собой: в сузёмы по груди; на рыбалку в заповедные, известные только ему, места; на сенокос; по ягоды на дальние болота или в боры; в сельсовет, когда ездил по делам или на встречу с фронтовиками...

Тепло и уютно было в доме у дедушки. Бабушка баловала меня вкусняшками, а дед учил меня всему, что хорошо уметь делать сам - учил жизни. Любил меня дед.

Но самым главным в доме были книги! Каждый месяц деду привозили небольшой продолговатый ящик с книгами из сельской библиотеки - так называемую «передвижку». И я читал, читал всё подряд и ждал, ждал следующего привоза книг. Какие это были книги!

Дедушка поощрял мою страсть к чтению. Зимними вечерами, набегавшись по улице, я шёл к нему. Ужинали, пили

Леонид ЛЕШУКОВ

Два Ивана

чай. Я брал книгу, забирался на полати, где было тепло и удобно. Свет лампочки хорошо освещал страницы, и можно было читать лёжа. Я знал, что никто не осудит, не оговорит меня за это.

Так было и в тот вечер. Но неожиданно раздался стук в дверь.

Дед вздрогнул: «Мы что, мать, на заборе? Рановато, вроде? Кто же там?» Он прошаркал огромными подшитыми валенками к выходу, набросил на плечи старую фуфайку, «куфайку», как он прозывал её, и пошёл встречать гостя. Свесив голову, я с интересом наблюдал за происходящим.

В распахнутую дверь ввали-

лось облако холодного воздуха и расплодилось по полу. Показалась большая рыжая шапка и высокий оцинковый воротник тулупа, а после вошёл сам гость. Дед, подталкивая гостя рукой, приговаривал: «Проходи, Ваня! Проходи, гость дорогой, вот радости! Проходи, раздайся». Иван снял шапку, обнажив седую голову, сбросил тулуп, оторвал и повесил одежду на большой крючок за печкой, вбитый когда-то давно дедушкой для хомутов. Шагнул на свет и поздоровался с бабушкой: «Как поживаешь, Уля, по здоровью ли? Здравствуй!» Бабушка, поздоровавшись с гостем, захолодела. Я всё вспомнил и понял, кто этот старик. У

дедушки в самодельном альбоме на самом почётном месте была фотография - на фронтовом снимке два бойца: один в фуражке - мой дед, другой - с белой головой - держал фуражку в руке. Бойцы сидели на бревне перед объективом в торжественной напряжённости, гимнастерки у обоих были увешаны орденами и медалями. На обороте фотокарточки рублёным дедовским почерком была сделана надпись: «1944 год. Я с Ванькой «Белым» из Петряева, земляком моим. Живы!» И подпись, узловатая дедушкина подпись на снимке. Вместе воевали, рядом жили и звали друг друга шуточно: Ванька Белый да Ванька Серый. И крепка была эта дружба, опалённая войной.

«Ну что, солдат, давай обнимемся, что ли?» - гость повернулся к деду по-солдатски, всем корпусом. Мой дед Иван Тимофеевич распахнул объятья: «Давай, солдат, давай!» Ветераны крепко обнялись и долго стояли молча, склонив друг друга на плечо головы, и не скрывали скупых слёз. Бабушка накрыла на стол, окликнула Иванов: «Ну, будет вам, будет, проходите к столу! Самовар вскипел!» Самовар фыркал, мурлыкал на столе, как старый кот Васка, что бесовски спал на моей подушке, пока я подсматривал за стариками.

Первым опомнился мой дедушка. Кракнув, заторопил гостя к столу: «Садись, Ваня. Рассказывай, какими судьбами у нас». Гость поудобнее устроился на широкой крашеной лавке, подвинулся ближе к самовару, взял чашку с горячим чаем, сде-

лал пару глотков и стал глуховато рассказывать: «Я шёл к Толке Масловскому. Давно собирался сходить в Маслово. Очень нудно, котомка у меня на мосту. Полушубок хотел заказать для сына, в Мурмане он. Да и старшину очень хотелось повидать. Да и тебя давно не видел. Дорога от нас не накатана. Через вашу деревню ноне лес тащили волоком, всё легче идти будет. И с тобой поговорить захотелось. Тяжко, Ваня, что-то на сердце. Переночуно, примешь?» «Вот и ладно, вот и хорошо!

Оставайся, Ваня. Отдохнёшь, а утром я у бригадира выпрошу лошадку...», не откажет фронтовик фронтовику, и съездим вместе в Маслово, проведем Толку». - дед то ли уговаривал, то ли успокаивал себя.

Старики пили чай, говорили и говорили. Под их негромкий разговор я и уснул. Проснувшись, я понял, что Иванов уехал в Маслово. Дед выпросил у бригадира для друга лошадку...

Много лет спустя я нашёл среди старых бумаг ту желветавшую фотографию. Иванов, brave солдат Великой войны, снова торжественно сидел на бревне, напряжённо смотрели в объектив фотоаппарата. Два Ивана, два русских мужика, двое из миллионов русских, спасших мир от уничтожения.

И пусть память о вас хранится веками в сердцах поколений, спасённых вами! Спят солдаты вённым сном на разных кладбищах. Только смерть различила Иванов.

Вечная вам память, вечная слава, солдаты!

Ольга ДАРАНОВА, учёный секретарь Дворца книги - Ульяновской областной научной библиотеки имени В. И. Ленина, заслуженный работник культуры Ульяновской области.

Ещё не брошен мальчик цвет,
И Спасыя влюбком и мёдом
Одаривают белый свет,
Вечная сердцевину года.

Какая радость слушать ход
Тех летних дней благословенный!
В сплетенье вечных и мгноуных
Приобретений и забот!

Ещё лазурна неба даль,
И ещё зной томит и нежит,
Но вечеров душистых свежесть
Принесит лёгкую печаль...

И ветра дальнего прилёт
Несёт прохладу и тревогу,
И день бледнеет понемногу,
И скоро осени черёд...

В ВИННОВСКОЙ РОЩЕ
Пройдёмся, друг, по парку,
не спеша,
Какая осени! Золото забвенья...
Пусть отдохнёт от бремени душа,
Ей сладостно
в немом оцепаленья.

Всё суетно - и речи, и дела,
И дней бессмыслица
всё больше утомляет.
А здесь вот так бы просто -
шла и шла
По тропке, что к обрыву убегает.

Шуршат дремотно
листья под ногой,
Как будто няня сказывает сказку...
Художник-осень влажною канвой
Кладёт на холст
оранжевую краску.

А стрих последний -
мы с тобой, друг мой.
Картина осени без нас
не будет полной.

Симбирские гости

В июне мне посчастливилось побывать в Ульяновске (спасибо правительству Ульяновской области, Дворцу книги, местной писательской организации) на мероприятиях, посвящённых 205-летию великого русского писателя И. А. Гончарова.

Мне очень понравился Ульяновск (Симбирск), где хранят историю: помнят и семью Ульяновых, не забывают и Керенских, чтят писателя-земляка Н. М. Карамзина, братьев Языковых, Дениса Давыдова... Поразила меня губернатор Сергей Иванович Моро-

зов - читающий человек, поддерживающий книгоиздание (не случайно Ульяновская область - самый читающий регион России). С удовольствием осмотрел я областную библиотеку (Дворец книги), побывал в нескольких музеях, постоял над обрывом у Волги (описанным в романе Гончарова)... Всё мне понравилось, всё... И главное - люди. Среди них были и писатели, поэты. С некоторыми из них хочу сейчас познакомить читателей «Литературного маяка».

Д. Е.

А в ногу с нами - годы чередой,
Как Волги набегавшие волны.

Вот он - двор родной, тенистый,
Вон качели и скамья...
Здравствуй, мир мой,
добрый, чистый!
Здесь жила когда-то я.

Вот вернулась гостьей странной
В день ненастный октября,
И унылый дождь как манна
С неба сыплет на меня.

Капли-слёзы. Как иначе?
Ведь родное всё до слёз!
Это юность моя плачет,
Это радость тайных грёз.

Дом тоскливо скрипнул дверью,
Приоткры ли? Рад? Не рад?
Как подбитой птицы перья,
Твой некрашенный фасад.

А в той старенькой беседе
Голоса моих подруг...
Помню наш с вами, соседи,
Коммунальный тесный круг.

Мы прожили с вами вечность...
Были вы сестёр родней.
Улетели в бесконечность

По аллею тополей.

«На златом крыльце сидели...»
Рассчитал нас листопад...
Не качаются качели.
Замеревшие, стоят.

Александр ДАШКО - дипломант Всероссийского фестиваля молодых поэтов имени М. Ю. Лермонтова «Мцыри», лауреат областной премии имени Н. Н. Благова. Работает во Дворце книги - Ульяновской областной научной библиотеке имени В. И. Ленина.

Гранёный лёд
моим растоплен жаром,
дыханием, касанием простым.
Смурное небо старым самоваром
пускает серый,
в клочья рваный дым.

А мне бы чай... Какая незадача!
У Бога видно кончилась вода.
Растоплен лёд,
но снег крахит, как клыча,
Увы, борьба - удел наш навсегда.

Идти в пургу, пусть даже наудачу,
Спотннуться, поскользнуться
и упасть...

Быть может, кто-то всё же
выдаст сдачу
за эту неизменяющую страсть.

Тогда какой-то голос незнакомый
меня вдруг спросит,
будто незначай:
«Ведь хорошо,
что в пору ту истомы
на небесах
не пил ты с Богом чай».

И я пойму, что падал я недаром,
с души сдирая кожу... а пока
смурное небо старым самоваром
пускает серым дымом облака.

Дядя Коля продул мундштук,
пробурчал мне:
«Пойдем, покурим».
За окном был трамвай стух,
в голове: «Ну какой ты дурень».

Мне семь лет. И обрывочный снег
в стороне, на изломе веток.
Мне казалось, уже третий век
в нашей кухне не видно света.

Мне казалось, уже третий век
я не вижу родные лица.

Вечерами под топот и смех
дядя Коля любил напиться.

Вот закашлялся. Старый уже.
Как и все в задымлённой кухне.
Да и воздух не стал бы свежий,
даже если бынок потух бы.

Мне казалось, уже третий век
этих мелких нелепых бедствий.
За окном был обрывочный снег,
а в душе лишь обрывки детства.

Мария БОГДАН родилась в г. Находке Приморского края. В возрасте 7 лет переехала в Ульяновск. Окончила Ульяновский педагогический университет им. И. Н. Ульянова. Работает в школе.

Ты - моя песня осенняя,
радуешь ты и пленишь.
В желтом дыму воскресения
нотой прозрачной звучишь.
И отчего-то так хочется
в детство вернуться хоть раз.
Бродит в саду одиночество,
что ему делать без нас?
Ты - моя песня осенняя,
песня о счастье моём.
В жёлтом дыму воскресения
мы растворились вдвоём...

Ты не думай, с людьми
ничего не случается.
Просто, знаешь, они
не всегда возвращаются.
Только ты никому,
никому, мой доверчивый,
свой билет на Луну
не дари опрометчиво.
Для всего свой черёд,
наши роли разбросаны.
Может, нам повезёт
не застрять над вопросами?
Ни болезнь, ни война
не замучат нас до смерти.
Будет в небе Луна
с лёгким привкусом осени.

Редактор выпуска **Дмитрий ЕРМАКОВ**.